

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН СПАСАЮТ САМООРГАНИЗАЦИЯ И КОНТРОЛИРУЕМЫЕ УПРАВЛЯЮЩИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ

© 1995 Рывкин А.А.

(Москва)

Рассматриваются некоторые социально-экономические последствия проводимых реформ, инструментарий и возможности управления переходным процессом.

1. С ЧЕМ МЫ ПРИШЛИ К РЕФОРМАМ

О низкой продуктивности народнохозяйственных цепочек говорилось еще в начале 1980-х годов. В то время для доказательства этого факта требовались нетривиальные аргументы, ибо существовавшая структура цен была весьма произвольна и не позволяла получить простые и непосредственные подтверждения.

Сейчас положение изменилось. Непродолжительное функционирование механизма свободных цен при балансировке спроса и предложения привело к результатам, которые вполне можно было предвидеть и которые подтверждают высокую долю в хозяйстве непродуктивных технологических цепочек. Обнаружилось, что внутренние цены на многие товары не только вышли на уровень мировых, но и стали их превышать. Это произошло в условиях дешевой рабочей силы, пока что недорогих энергоресурсов, невысокой платы предприятий за пользование инфраструктурой и, наконец, при весьма необременительных экологических ограничениях. Ссылка на высокие уровни налогов, конечно, существенна, но роль этого фактора не столь велика, ибо крупные и мелкие предприниматели сами определяют, какую часть полученного дохода отдавать государству, и последнее практически не может что-либо изменить.

Несмотря на то что по сей день мало кто решается назвать вещи своими именами, приходится констатировать: попытки оживить то хозяйство, которое досталось нам от прошлого, бесплодны. Разрыв хозяйственных связей после распада Союза — лишь один из факторов, вызвавших резкое падение производства, и, на наш взгляд, не самый существенный. Не исключено, что при сохранении Союза сегодняшнее положение России было бы более тяжелым: хозяйство, возникшее в условиях советской плановой экономики, не может функционировать при нормальных рыночных отношениях. Если бы Союз не распался, реформам был бы положен конец сразу после их провозглашения. На этом настояли бы республики, интересы которых теснее связаны с бюджетными ассигнованиями, нежели интересы России.

После ликвидации Союза, реформы в России стали возможны. Это не очень приятный вывод, но, на наш взгляд, он достаточно обоснован. Россия не смогла воспользоваться преимуществами, которые получила в результате распада СССР, в полной мере, ибо оставалась в плену иллюзий и неоправданных ожиданий. Иллюзий относительно того, что все существующие предприятия могут продолжать функционировать в условиях рынка; ожиданий, что государство не забудет о них и вновь окружит забо-

той за счет бюджета. Рассчитывать на больший успех реформ не следовало – требовалось (и сейчас еще требуется) время на психологическую перестройку.

Заслуга команды Е. Гайдара состоит в том, что она решилась отбросить анахронизм планового ценообразования и тем самым вызвала к жизни мощные рыночные силы. Однако заслуга эта, возможно, и не столь велика, ибо разрушение плановой системы произошло значительно раньше: страна была полностью разорена. Этому способствовали следующие обстоятельства.

Во-первых, ориентация на кооперативы, создаваемые при госпредприятиях, означала откровенное разграбление последних и сосредоточение средств в руках частного сектора, который почему-то назывался кооперативным. Кооперативы оказались вживленными в воспроизводственную структуру государственной экономики, пользовались ее ресурсами по фиксированным ценам, а продукцию продавали по свободным. Торгово-закупочные кооперативы действовали еще проще – продавали по свободным ценам продукцию госпредприятий.

Во-вторых, появление совместных предприятий с иностранными партнерами сделало возможным перемещение экспортоспособной продукции через границы СССР. Различие в структурах отечественных цен и мировых создало еще один мощный импульс для ускоренного разорения страны. Почти все, что вывозилось за рубеж, исчезало бесследно, ибо вырученные деньги оседали в зарубежных банках.

К началу реформ 1992 г. мы имели:

Россию, с которой порвали связи ставшие независимыми бывшие советские республики;

истощенные до крайности валютный и золотой запасы, быстро растущий внешний долг;

алчную нарождающуюся буржуазию, которая умела не столько организовывать производство, сколько использовать сложившуюся "двуукладность" экономики;

бюрократию, позиции которой пошатнулись, но остались стойкими намерения сохранить первенство и не отдавать его новым буржуа;

полностью расстроенную финансово-банковскую систему.

Этот перечень можно продолжать, отмечая состояние и структуру производственных фондов, неразвитость диллерской сети, расточительство в сфере ресурсообеспечения и энергопотребления, беды и болезни транспортных отраслей, неразвитость систем связи, экологический беспредел, беды оборонных и агропромышленных отраслей и т.д. и т.п. Каждый, кто мог адекватно представить себе картину в целом, должен был впасть в уныние.

2. БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ И РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Отпуск цен к концу 1991 г. был предрешен. В иной ситуации было бы можно обсуждать варианты того, как это сделать с учетом особенностей воспроизводственной структуры национальной экономики при сохранении определенных барьеров, отделяющих ее от мирового хозяйства. Такая идея рассматривалась, но была отвергнута, главным образом из-за невозможности удерживать барьеры при оказавшихся прозрачными границах после распада СССР. Ориентация на мировые цены в результате акта 2 января 1992 г. стала неизбежной. Государство продолжало искусственно удерживать внутренние цены на энергоресурсы из-за боязни остановки энергоемких производств и превращения в нечто недоступное услуг транспорта. Однако эта нерешительность лишь способствовала дальнейшему ограблению страны путем фактически неоплаченного значительного вывоза из нее нефти и газа. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить общие поступления от экспорта нефти, нефтепродуктов и газа с той суммой, которая получится, если умножить соответствующие объемы на среднюю мировую цену этих товаров.

В тяжелейшей политической обстановке правительство сумело создать механизм, обеспечивающий частичную конвертацию рубля, и в какой-то мере взять под кон-

троль инфляционные процессы. Началось ускоренное разгосударствление хозяйства, которое, несмотря на массу препятствий, все-таки состоялось.

Наиболее существенное из того, что правительству не удалось, — уменьшение роли и веса государственного управленческого аппарата, а, следовательно, и претензий со стороны этого аппарата на все увеличивающиеся бюджетные вливания в контролируемые им сферы деятельности. Сам аппарат, получая открытую подпитку со стороны рвущихся к недвижимости предпринимателей, стал интенсивно разрастаться и одновременно быстро прорастать в предпринимательскую среду. Особую роль сыграл в этом директорский корпус, который традиционно связывал аппарат с производством и был постоянным источником кадров для слоя высших чиновников в государстве. Казалось бы, идея "народной приватизации" через ваучер должна была оттолкнуть директорский корпус, желавший сразу же и навечно поменять права наемного менеджера на права собственника. Однако сопротивление директоров продолжалось недолго и не потому, что они поняли Чубайса или уступили ему, а потому, что нашли способ реализовать свои интересы в рамках предложенных им схем.

Решая проблемы собственности, руководители предприятий далеко не всегда ставили на первый план задачу поддержания производства. Иной раз оказывалось выгоднее в период приватизации держать предприятие в прорыве, отталкивая возможных претендентов на участие в инвестициях. Это отчасти объясняет, почему сопротивление директорского корпуса предельно жесткой налоговой политике правительства и парламента не было достаточно интенсивным. К тому же многие директора продолжают связывать свое благополучие с наличием бюджетных денег, которые поступают на предприятия в форме госзаказа или прямого финансирования, причем эти поступления не облагаются НДС. Плюс ко всему — возможность "сливать" значительные средства в собственные частные фирмы, оставляя госпредприятие в состоянии безнадежного должника. При этом платить по долгам госпредприятию не было смысла. Инфляция быстро съедала долг, а начисление процентов на долги не всегда предусматривалось. Как поступить с долгами после приватизации, тоже до конца не ясно.

Тем не менее, правительство вынуждено было прежде всего заняться восстановлением финансовой системы и денежного обращения, отодвигая поддержание процессов воспроизводства на второй план. Такая политика, безусловно, болезненна, прежде всего, по своим социальным последствиям. Однако, со стратегической точки зрения, она обладала определенными преимуществами. Ведь наше хозяйство формировалось в экономически абсурдных условиях с ориентацией на искусственные плановые показатели. Это получило отражение во всей его воспроизводственной структуре. Известно, что действующее предприятие весьма консервативно и без сильных импульсов извне неохотно меняет профиль и технологию. Даже наличие таких импульсов не даст нужного эффекта, если не сопровождается кадровыми переменами. Поэтому угнетение воспроизводственных возможностей из-за чрезвычайно высоких налоговых ставок не позволяет инвестировать в новые технологии, но это же обстоятельство препятствует воспроизведению устаревших. Последний фактор все еще остается преобладающим, ибо стремление внедрять новое не характерно для хозяйственников вообще, а у нас в особенности. Стремление продлить жизнь имеющейся технологии всегда сильнее.

Высокий банковский процент и большие ставки налогов внесли смятение в души новых российских предпринимателей. Производство могло выжить в таких условиях, лишь не привлекая кредитов на сколько-нибудь продолжительный период и реализуя значительную часть своей продукции за наличные деньги, уклоняясь от уплаты соответствующих налогов. Отказ от кредитов означает, что среди различных направлений вложения средств инвестиции в производство оказываются неконкурентными. Переход же к работе с наличными деньгами становится шагом на пути к криминализации хозяйственной структуры.

3. КРИМИНАЛЬНЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ КАК ФАКТОР ВОСПРОИЗВОДСТВА

Многие крупные и средние предприниматели не проявляют заинтересованности в государственной программе борьбы с преступностью. Для них разного рода криминальные группировки стали важным фактором, обеспечивающим воспроизводство.

Говорить о разрешении хозяйственных споров через суд "в установленном Законом порядке" может только тот, кто этого ни разу не пробовал. Во-первых, поборы со стороны государства (пошлина достигает 10% исковой суммы!), во-вторых, стоимость юридических услуг (до 5%), в-третьих, сроки рассмотрения (до года и более) – все это способно окончательно разорить как правых, так и виноватых.

Спрос рождает предложение. Свои услуги предпринимателям предложили бывшие сотрудники различных силовых государственных структур. Объединившись в группы и фирмы, создав свою сеть, установив контакт с преступными формированиями (контакт был и прежде – нужно было лишь по-новому оформить давние связи), поделив территорию и сферы влияния, они заменили предпринимателям все, что должно было дать государство честным налогоплательщикам. Связав себя с такими группировками, предприниматель получает защиту от неорганизованного рэкета, помощь в убеждении должников (средствами, доступными их восприятию), а порой и защиту от набегов налоговых инспекторов. В крайнем случае может быть обеспечен суд – достаточно скорый и не более неправый, чем государственный.

Как ни грустно, неформальные силовые образования являются сегодня единственными в стране, кто побуждает предпринимателей твердо держать данное партнерам слово.

Криминальные структуры сами по себе – без всей возникшей вокруг них "обяззки" системой контактов, контрактов и связей с крупным бизнесом – экономически неэффективны. Будучи же в системе, они испытывают влияние с ее стороны и сами влияют на эту систему. В итоге русский бизнес активно криминализируется, а "авторитеты" приобретают вкус к легальному предпринимательству, ищут надежные ниши для вложения накопленных капиталов.

Криминальные структуры уже сегодня считают приоритетным направлением крупномасштабные финансовые махинации, а не непосредственное физическое вмешательство в деятельность банков. Это предпосылка для сращивания в России криминальных структур с финансовыми, которое может вызвать серьезные изменения в международном балансе сил, по крайней мере, столь существенные, что будущее России будет определяться не экспертами МВФ и Мирового Банка, а совершенно иными силами.

Держать деньги в швейцарском банке было для руководителей СССР делом привычным. Остальным подобное возбранялось, но с приходом к власти Михаила Горбачева процесс открытия счетов в зарубежных банках пошел так интенсивно, что только ленивый или совсем подавленный коммунистической идеологией масштабный руководитель или предприниматель не озаботился это сделать. Похоже, Е. Гайдар решился всерьез заняться возвратом российских денег из зарубежных банков. Он даже поручил специально созданной при нем группе по борьбе с коррупцией провести необходимые **розыскные** мероприятия. Почувствовавшие опасность крупные госчиновники и директора, для которых горбачевская перестройка стала апофеозом государственно-го предпринимательства (это когда риск – на плечах государства, а прибыль в частном кармане) и источником значительных накоплений, позаботились об изоляции созданной Е. Гайдаром группы от правоохранительных органов и спецслужб. Поставленная при организации группы цель не была достигнута. Если утечка валюты из России и уменьшилась, то в основном благодаря свободным ценам внутри страны – многие операции перестали быть выгодными.

У нас имеется единственный разумный путь привлечения в страну крупных инвестиций: сделать все возможное для возвращения в виде капитальных вложений денег, которые (в большинстве случаев незаконно) были вывезены в предшествующие годы. Желание обеспечить торжество справедливости для всех нас вполне естественно – но

увы, масштабы бедствия ныне таковы, что пришлось публично отказаться от преследования большей части незаконноуполномоченных в прошлом граждан.

Именно российские деньги за рубежом могут оказаться решающим фактором в обеспечении предстоящей реконструкции отечественной промышленности. В настоящее время можно было бы вовлечь в экономику около 30 млрд. долл. из тех денег, что принадлежат нашим гражданам за границей. Еще столько могли бы вложить бывшие граждане СССР. Эти деньги могут стать основой для привлечения иных инвестиций и позволят создать общий климат благоприятствования капитальным вложениям. Проложить путь активному инвестированию в Россию могут либо сами предприниматели, либо выходцы из бывшего СССР. И те, и другие обладают преимуществом перед любыми иностранными фирмами, начинающими свою деятельность в России, ибо знают нашу специфику, способны вести дела с российскими бизнесменами, а также обеспечить "правильные" контакты с чиновниками. Их не смутят особенности нашего законодательства, благодаря чему они способны правильно определить направления оправданного риска. Западные же инвесторы останавливаются перед любым отличием в оформлении документов по сравнению с привычной им практикой.

Можно ожидать (такие примеры имеются), что российские предприниматели будут инвестировать, как правило, деньги, "отстоявшиеся" за рубежом, происхождение которых не легко проследить. Эти деньги попадут к нам от имени фирм, зарегистрированных в других странах. Тем самым инвестиции будут лучше защищены, ибо на них распространяется преимущества, предусмотренные соответствующими двусторонними соглашениями на государственном уровне, а также льготы для предприятий со 100%-ным иностранным капиталом (в том числе двухлетние налоговые каникулы).

4. ИНФОРМАЦИЯ – ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Современное государство, ставящее своими целями защиту конституционных основ, правопорядка и имущества всех членов общества и образованных ими законных объединений, возможно лишь при наличии адекватной информационной базы, ведение которой осуществляется независимо от потребителей, а защита – с их участием. В ее основе должны лежать три базовых системы идентификации: 1) физических лиц; 2) юридических лиц; 3) земель и недвижимости.

Остальные информационные системы будут в той или иной мере производными от базовых: это социальное страхование, здравоохранение, налогообложение, лицензирование видов деятельности, криминальная среда и т.д.

Наиболее принципиальным является вопрос о том, кому и как будет принадлежать право ведения базовых систем, какими окажутся контроль за их использованием и вносимыми в них изменениями, защита от повреждений и несанкционированного доступа.

Каждую из трех базовых систем должна вести служба, не принадлежащая ни МВД, ни ФСК. Система должна быть не только самоокупаемой, но и приносить определенный доход службе, осуществляющей ее ведение, и государству.

Службу первой из них целесообразно организовать при министерстве социальной защиты, где накоплен опыт и функционирует близкая по характеру система. В рамках первой системы должно происходить оформление паспортов, в том числе для выезда за границу. Это при правильной постановке дела позволит окупить все расходы и даже получить значительный **доход**.

Для ведения второй системы потребуется территориальная сеть регистрационных палат под совместным контролем местных органов власти и региональных торгово-промышленных палат.

Наконец, система идентификации земель и недвижимости, которая будет регистрировать права собственности и отношения аренды, если они устанавливаются с государством или муниципалитетом, может быть сформирована при местных органах власти. Это должна быть специальная служба при главе администрации, но не при земельном комитете. Ее задача – регистрация точных координат земельных участков

и размеров расположенных на них строений, а также прав собственности или иных форм пользования. Накопленная информация предоставляется за плату в соответствии с регламентом пользования с обязательной фиксацией всех обращений.

Хотя затраты, необходимые для создания базовых систем, охватывающих страну в целом, весьма значительны, при правильной организации они быстро окупаются. Наиболее дорогой является третья система. Однако она может формироваться постепенно и, кроме того, нет необходимости во включении ее в общереспубликанскую сеть.

Активная эксплуатация базовых и производных от них информационных сетей позволит существенно повысить степень регулируемости экономики, осложнит деятельность теневых структур, затруднит уклонение от налогов. Рынок станет обретать современные черты, а действия правительственных и муниципальных структур будут опираться на реальную информационную базу.

5. ЕЩЕ НЕМНОГО О БЛАГИХ НАМЕРЕНИЯХ И РЕАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ

Правительство взвинтило в 1992 г. налоги, дабы наполнить бюджет (превратившись к этому времени в бездонную черную дыру) и притормозить инфляцию. Так было объявлено, так (в той или иной мере) случилось. Последствия в основе своей были более чем прогнозируемы.

Оказалось бы крайне непоследовательно со стороны Е. Гайдара, много писавшего о структурных диспропорциях в советской экономике, не позаботиться о создании условий, при которых наиболее расточительные экономические субъекты будут вынуждены оставить свои позиции. Это и оборонные предприятия, и структуры бывшего Минводхоза, и новый монстр – предприятия, ориентированные на выпуск компьютеров и т.п. Все они оказались на голодном пайке, щедрые поступления из государственного бюджета были перекрыты.

Началась ли в итоге структурная реконструкция экономики?

И да, и нет.

Поскольку для наполнения бюджета требовались огромные средства, а МВФ призывал к обузданию инфляции, нужно было установить высокие ставки налогов и ввести наиболее чувствительный для производителей НДС. Инвестиции в этих условиях потеряли смысл, а все имеющиеся денежные ресурсы были брошены на обслуживание торговых операций.

Казалось бы, о какой структурной перестройке можно говорить при нулевом уровне капитальных вложений? Однако известно, что структурные сдвиги происходят как благодаря инвестициям в новые предприятия, так и в результате санации. При этом санация может быть явной (предприятия полностью или частично ликвидируются или перепрофилируются) и скрытой. В последнем случае предприятие сохраняется неизменным, если принять во внимание физически имеющиеся оборудование и инфраструктуру, но функционирует в совершенно ином режиме. Оборудование больше простаивает, чем работает. Сырья потребляется в несколько раз меньше, выпуск готовой продукции резко сокращается, поиск заказов распространяется на сферу, в которой предприятие ранее не специализировалось.

Был период, когда подобные метаморфозы воспринимались многими руководителями как преходящие, воодушевляла надежда пережить трудные времена и вернуться к своей традиционной, профильной деятельности, щедро финансируемой из бюджета. Этой надежде не суждено сбыться – по крайней мере, для большинства крупных специализированных предприятий. Произошедшие изменения будут закреплены. Выход может быть найден для каждого конкретного предприятия, но он непременно будет связан с принципиальной сменой функционального назначения производимой продукции, а также с небюджетными способами финансирования и инвестирования.

Таким образом, говорить об отсутствии структурных преобразований лишь на том основании, что физические инвестиции ничтожны, неверно. Сокращение объемов

производства, которое имеет место, далеко не всегда сопряжено с чисто негативными процессами. Когда останавливается производство изделий, не участвующих далее в воспроизводстве, это имеет для оздоровления экономики большое позитивное значение. То же самое относится к непродуктивным и слабопродуктивным технологическим цепочкам в народном хозяйстве.

Завышенный курс рубля по отношению к твердым валютам практически отсекает наши товары от мировых рынков. Высокие ставки налогов не позволяют инвестировать. Высокие таможенные барьеры делают неэффективной торговлю. Остаются финансовые и валютные операции как основа выживания. И все дружно бросились осваивать этот ранее неведомый простым советским директорам бизнес.

Теперь осталось уяснить, каковы возможности воздействия на ситуацию у правительства, точнее, у центральных властей. Оставим пока в стороне бюрократа как выразителя идей определенных группировок и кланов (территориальных, отраслевых, функциональных – все они сложились достаточно давно и подвергаются разве что реструктуризации). У центральных властей (кстати, во многом благодаря тому самому правительству реформ, которое мы нынче с большой охотой виним во всех наших грехах) имеются в руках такие мощные и весьма современные (по сравнению с применявшимися ранее) средства регулирования экономики, как налоги, акцизы, таможенные пошлины и сборы, ставка банковского процента, рублевый курс доллара, ценовая политика в отдельных отраслях, дотации и субсидии из бюджета, льготы и послабления. Более чем достаточно, чтобы диктовать, что делать добропорядочному и законопослушному предпринимателю, как бы не вмешиваясь при этом в его бизнес.

Первые шаги реформаторов явно были избыточны по объему и масштабу задействованных против предпринимателя угроз. Он был поставлен перед выбором: или разориться, или перестать подчиняться законам. Каждый уже сделал свой выбор. Правда, незаконпослушные тоже разоряются. Нынешнюю политику правительства можно охарактеризовать одним английским словом "overkilling" – это практика наемных убийц, которые производят пару контрольных выстрелов в голову своей жертве. Последовательная выплата всех установленных поборов и соблюдение ограничений (не говоря о личном измождении чиновников) могли бы многократно разорить любого предпринимателя. Можно не сомневаться в том, что в России нет удачливого и крупного бизнесмена, который работал бы после 1992 г., не обходя налогового законодательства. Строгая и квалифицированная проверка способна практически каждого превратить в нарушителя закона. Правительство хорошо об этом осведомлено. Остается лишь выдвигать гипотезы относительно того, зачем оно упорно поддерживает угнетающие экономическую деятельность параметры на столь угрожающих уровнях. Быть может, таково требование МВФ. Но это обстоятельство уже не столь актуально, ибо ясно, что реальной помощи из-за границы Россия не дождетсЯ. Или за этим стоит боязнь эскалации инфляции? В конце концов, мы привыкли любой ценой обеспечивать показатели, независимо от сути происходящего – почему же нужно изменять привычкам? Возможно, что регистрируемый уровень инфляции правительство превратило в некий фетиш, успешность манипуляции с которым должна служить основной оценкой его деятельности. Эта гипотеза более правдоподобна. Масса учреждений и чиновников, объединяемых правительством, должна иметь некий ясный общий ориентир, слежение за которым позволяет действовать, причем так, что последствия в долгосрочном плане не будут лишь отрицательными. Уровень инфляции вполне мог быть выбран в качестве подобного, на первый взгляд, не очень опасного общего ориентира. Инициаторы такого решения, наверное, уже покинули правительство, но ориентир остался как нечто самодавлеющее.

Итак, мы имеем следующие регулирующие характеристики:

ставка банковского процента долго держалась выше 200% годовых;
налоги, суммарно, превышают 80% от прибыли;

таможенные акцизы и сборы более 25%, а на ряд товаров 100% и выше; рублевый курс доллара отстает в росте от внутреннего темпа инфляции.

Сочетание этих характеристик при равнодушии государства к обязательствам принадлежащих ему предприятий, что привело к образованию лавины неплатежей, практически парализовало значительную часть хозяйства. Трудно допустить, что именно такую задачу ставили перед собой правительственные структуры. Столь же неестественно предположить, что все это – происки неких тайных врагов реформ. Скорее всего, мы имеем дело со своего рода привычной самоорганизацией чиновников вокруг воспринятого ими достаточно простого ориентира – уровня инфляции, а также с охватившей всех страстью обещать и не платить.

Как и в былые госплановские времена, содержание было выхолощено радением о показателе. Последствия не заставили себя ждать.

Какие бы явные и неявные цели ни преследовали идеологи реформ, даже с их весьма жестких и почти бескомпромиссных позиций следовало бы признать, что поставленные в 1992 г. задачи в основном решены, и дальнейшее использование задействованных средств потеряло смысл.

Наверное, можно с какой-то долей цинизма говорить о желании закрепить достигнутый результат и потрафить требованиям МВФ, без помощи которого Россия пока не может поддерживать свои долговые обязательства в режиме, не ставящем ее в положение некредитоспособного должника.

Есть еще два весьма существенных фактора, которые оправдывают действия по поддержанию достаточно стабильного курса рубля по отношению к доллару, а следовательно, и весь комплекс искусственных мер.

Первый связан с привлекательностью рубля в качестве платежного средства в государствах СНГ. Благодаря этому рубль приобретает черты резервной валюты со всеми вытекающими отсюда благоприятными последствиями для России. Печатаемая в больших количествах новая рубль, Россия дает возможность расплачиваться ими за ввозимую на ее территорию продукцию. Масса российских денег в государствах ближнего зарубежья быстро растет, а сами деньги интенсивно обесцениваются. Лишь часть из них будет предъявлена в оплату российских товаров, но не сразу и уже не по тем ценам, которые существовали в момент получения денег от россиян. Конечно, для России все это дает заметные прямые выгоды, но нельзя забывать о том, что разорение партнеров по СНГ таит и серьезные опасности и реальные потери для той же России. Это и обострение социальной напряженности в бывших республиках СССР, и ухудшение положения живущих в них россиян, и хищения в этих государствах на всех видах транспорта, принимающие массовый характер, а в конечном счете – сужение коммуникационного потенциала, усиление криминальных структур. Все эти обстоятельства становятся дополнительными стимулами к интеграции государств, недавно представлявших собой единое целое. Наученная горьким опытом Россия вряд ли пойдет теперь на такие формы интеграции, при которых двери для входа и выхода остаются открытыми. На этот раз интеграция будет означать окончательное присоединение к России. Тому, кто к этому не готов, придется научиться жить самостоятельно, со всеми атрибутами государственности и полной ответственностью за принимаемые решения и проводимую политику.

Второй фактор, оправдывающий поддержание стабильного валютного курса рубля, – благоприятные условия для импорта продовольствия и товаров народного потребления. Рынок насыщен независимо от того, успешны или нет внутренние производители. Последние не имеют возможности безнаказанно завышать цены на свою продукцию и вынуждены искать пути сокращения издержек. Население, в свою очередь, в основном формирует покупательный спрос за счет доходов, получаемых уже не в государственном секторе, а в новых экономических структурах и благодаря samozанятости. При этом быстро пополняются ряды экономически и социально активной части общества, готовой проявлять инициативу и сознающей ответственность за принимаемые решения.

6. ПОЧЕМУ МЫ ВСЕ ЕЩЕ ЖИВЫ И КАК ЖИТЬ ДАЛЬШЕ?

Достигнутый уровень падения производства по всем прогнозам должен был бы привести к полному разрушению экономики, необратимым процессам в ее структурах и к мощным социальным потрясениям. Остается только удивляться, что все протекает не столь остро, как ожидалось. Почему же мы все еще живы и при этом день ото дня становимся активнее?

Начнем с того, что наиболее уязвимым оказалось старшее поколение. Но оно и наиболее закаленное, привыкшее довольствоваться малым, пережившее за свою жизнь не одну полосу национальных трагедий и партийных экспериментов.

Значительная часть населения, не связанная непосредственно с элитарными производствами и видами деятельности, уже давно не жила только на заработную плату, а осваивала разного рода прикладные профессии и промыслы. Сейчас подобные процессы активно происходят и среди работников оборонных и близких к ним по характеру производств. Поскольку в большинстве семей имеются представители разных поколений, неудачи старших могут частично компенсироваться коммерческим успехом молодых. При этом старшие берут на себя новые обязанности, связанные с обслуживанием удачливых предпринимателей как в семье, так и по найму. Перераспределение в сфере подобных услуг статистикой почти не регистрируется. Очень важный фактор выживания — использование недвижимости для извлечения постоянных доходов, обеспечивающих сравнительно сносное существование ее владельцам.

Все до сих пор названное лишь в малой степени относится к реальным источникам благ. В основном речь идет об их перераспределении, а не о создании. Доля импортных товаров в нашем потреблении резко возросла. Чем же страна за них расплачивается при значительном падении производства? (По крайней мере, расплачивалась до того, когда возникли реальные предпосылки массовой остановки производства и разорения из-за этого уже не государственных, а новых коммерческих структур в связи с невыполненными в отношении них обязательствами. Несвоевременное поступление денег бюджетным организациям и предприятиям сделало их неплатежеспособными и вызвало лавину взаимных неплатежей. Если предприятия государственного сектора могут в подобной ситуации какое-то время оставаться на плаву, реализуя часть оборудования или предоставляя в аренду недвижимость, то у большинства коммерческих структур такой возможности нет. В условиях инфляции длительные задержки платежей означают для них банкротство. Как это ни парадоксально, именно новые структуры оказываются более хрупкими, именно они могут дать ощутимый импульс росту безработицы, если их существование будет поставлено под угрозу.) Ответить на этот вопрос, опираясь на традиционные макроэкономические представления об экономической динамике, невозможно, ибо действуют факторы, обычно элиминируемые традиционным экономическим анализом.

1. Начнем с того, что рубль (об этом уже речь шла) стал выполнять для стран СНГ роль резервной валюты. Благодаря этому Россия аккумулирует значительную часть продукции, производимой в других государствах СНГ, расплачиваясь таким не подлежащим длительному хранению товаром, как рубль. Правда, в сравнении с иными валютами в СНГ рубль остается более устойчивым и поэтому предпочтительным.

2. Через Россию быстро отмывается увеличивающийся объем криминальных денег. Отмывание состоит в обслуживании этими деньгами двух-трех российских контрактов последовательно, после чего "черные" (по происхождению) деньги становятся неотличимыми от "светлых". Естественно, часть отмываемых денег идет в оплату оказываемых в России услуг и способствует как поддержанию товарооборота, так и насыщению российского рынка импортными товарами, а одновременно интенсивному экспорту всех товаров, которые могут найти сбыт на мировых рынках. Говорить при этом о "распродаже" страны могут лишь те, кто сохранение экономической наивности ценит выше нормальной жизни. Если бы государство учло подобную специфику рынка и разумно ею воспользовалось, оно смогло бы подстегнуть структурные преобразования и обеспечить приток реальных инвестиций.

3. Провозглашенные рядом стран программы помощи России превращаются в предоставление под невысокий процент кредитов для покупки Россией продукции страны-донора. Высокая активность российских бизнесменов позволяет обернуть такой кредит несколько раз, если он расходуется на покупку продовольствия, товаров длительного пользования и т.п.

4. Инвестиционные кредиты используются в качестве коммерческих. Быстрые обороты на российском рынке позволяют вовлекать часть средств, получаемых в виде инвестиционного кредита, для коммерческих операций.

5. Россия в силу масштабов внутреннего рынка, а также неизбалованности и любопытства населения, становится потребителем той бросовой продукции, которая никогда не нашла бы сбыта в цивилизованном мире. Во многих случаях эта продукция не выдерживает самых элементарных требований к качеству, производится с отклонениями от норм, обеспечивающих безопасность здоровья потребителя. Нередко ее изготавливают почти нелегальные фирмы, незаконно использующие популярную торговую марку. Российским бизнесменам эта продукция достается по символическим ценам.

6. В результате падения производства высвобождается часть сырьевых и энергетических ресурсов, которая направляется на экспорт и позволяет оплатить поставки товаров народного потребления.

7. Валюта из-за рубежа переводится по самым разнообразным каналам. Расходование этих средств в России стимулирует внутреннее потребление и прирост объемов недвижимости, находящейся в личной собственности граждан.

Можно было бы привести дополнительные факторы, однако, их роль либо традиционна, либо менее значима.

Итог очевиден: Россия получает возможность некоторой передышки, которую следует использовать как для стабилизации собственной валюты, так и для реструктуризации производства и всей экономики, в целях создания условий, стимулирующих инвестиции. Последняя задача в настоящее время наиболее актуальна.

Мы хорошо усвоили, что привлечь инвестиции, не обеспечив их надежную правовую и экономическую защиту, невозможно. Необходима также уверенность, что инвестиции будут направлены в сферы, где имеются наибольшие резервы для структурных преобразований. Отсюда не следует делать вывод о целесообразности жестко ориентированного регулирования капитальных вложений, хотя в отдельных случаях это возможно за счет налоговых льгот, отсрочки налоговых выплат, налоговых каникул и т.п. Речь может идти об инвестициях в строительство, развитие инфраструктуры, благоустройство, экологические программы, реализацию новых технологий и т.п. Однако в любом случае послабления должны делаться по получении конечного результата и не носить форму индულгенций.

Действующая система налогообложения абсурдна. При таких налогах честно уплачивающее их предприятие не может инвестировать. Осуществлять долгосрочные капитальные вложения могут лишь структуры теневой экономики, т.е. те, кто делает свой бизнес, уклоняясь от уплаты налогов. Не случайно крупные бизнесмены открыто заявляют, что платят в виде налогов ровно столько, сколько считают нужным платить. При этом они не сомневаются в безнаказанности, ибо слишком обширны их связи и возможности привлечь на свою сторону нужных людей из контролирующих структур, не ограничены способы убеждения в отношении тех, кто почему-либо начинает проявлять служебное рвение.

Итак, налоги должны быть весьма умеренными, чтобы не разорять налогоплательщика, они должны стимулировать инвестиции в недвижимость и новые технологии.

Далее, введение налога не может быть актом умозрительным, отражающим содержание той или иной экономической теории либо представления законодателей о социальной справедливости. Главное при формировании системы налогов – создание адекватного механизма их сбора с опорой на объективные процессы, происходящие в экономике и отражаемые во вполне конкретных, однородно образуемых показателях.

Необходимо просчитывать последствия, связанные с введением, отменой или снижением уровня конкретного налога. Это означает, что прежде всего придется предсказать реакцию налогоплательщика. Сможет ли он платить этот налог, т.е. найдет ли необходимые денежные ресурсы? Сумеет ли уклониться от уплаты и как именно? Каким образом воспрепятствовать уклонению и как обеспечить контроль (конечно, выборочный)? Какие группы предпринимателей или населения легко уйдут от уплаты налога, а какие этого сделать не смогут? Введение налога в этом случае равносильно поддержке первых и угнетению вторых. Каковы последствия дискриминации?

Для России сегодня часть сформулированных вопросов можно считать чисто риторическими. В правительственных и государственных структурах нет даже органа, заинтересованного в получении ответа, например, на последний вопрос. Нет, скорее всего, потому, что ответ окажется взрывоопасным, а как на это реагировать, не ясно.

При высоком уровне инфляции и нынешнем развитии механизмов сбора налогов и контроля за добросовестностью исполнения налогового законодательства нельзя формировать государственный бюджет в основном за счет налоговых поступлений. Необходимо найти рациональное соотношение между поступлениями от налогов, акцизов и сборов. Именно это соотношение становится важнейшим управляющим фактором, влияющим на все долгосрочные процессы в экономике. Характер управляющих воздействий должен быть найден эмпирически путем контроля за обратными связями. Скорее всего, как уже говорилось, при невысоких уровнях ставок налогов и сборов общие поступления в бюджет существенно возрастают.

Еще один чрезвычайно важный управляющий фактор — соотношение рублевой и долларовой инфляции. Он тесно связан с первым: при высоком уровне эмиссии поддерживать стабильный обменный курс рубля по отношению к доллару невозможно, а если не принимать специальных мер, это соотношение станет близким к единице. Опыт показал, что покупательная способность доллара в России резко падает. Проводимая Госбанком РФ политика поддержания валютного наполнения рубля с тем, чтобы рублевая цена доллара росла темпом примерно вдвое меньшим темпа рублевой инфляции, ведет к ряду очевидных и менее очевидных следствий. К очевидным относятся: падение рентабельности экспорта, а зачастую его невозможность; рост эффективности импорта, хотя и сдерживаемый таможенными барьерами и налогами; стимулирование сокращения внутреннего производства и, как следствие, изменения структуры экономики.

Менее очевидные: быстрый рост долларового эквивалента заработной платы и, следовательно, более благоприятные условия для естественного включения в международное разделение труда и торговлю; приобретение рублем свойств резервной валюты в странах СНГ, что обеспечивает приток товаров в Россию; возможность выгодных поездок за границу, что создает дополнительный источник товаров для внутреннего рынка; увеличение стабильности финансовых операций и налаживание взаимодействия банковских структур России и мира. Есть и вовсе не очевидные следствия. Например, из-за того, что экспорт становится невыгодным, а импорт наоборот, эффективным, появляется возможность преодолеть возникшие перед предприятиями трудности, осуществляя бартерные операции, при которых потери на экспорте окупаются импортом. Однако такие операции в крупных масштабах под силу лишь тем, кто имеет собственные специализированные торговые сети. Тем самым, происходит сосредоточение внешнеторговых операций в руках крупных профессионалов, специализирующихся на комплексных и регулярных сделках. Идет быстрое сращивание финансовых и торговых групп, которые получают возможность сильно влиять как на производственные, так и на государственные структуры. Таким образом, управляющий фактор, о котором ведется речь, используется в значительной мере с учетом интересов этих наиболее активных групп. Однако первый управляющий фактор нежестко связан со вторым, что позволяет достаточно независимо (в определенных пределах) устанавливать долю наполнения бюджета за счет прямой эмиссии. Следует иметь в

виду, что более высокая доля прямой эмиссии ведет к ослаблению центробежных тенденций, ибо регионы ставятся в зависимость от поступления денежной массы из ЦБ. Если же эмиссия невелика, то денежных ресурсов, как правило, хватает, и многие регионы, организуя сбор налогов и других платежей на месте, могут уйти от прямой зависимости от центра.

В руках государства и местных органов управления уже имеется достаточно возможностей для экономического регулирования процессов, протекающих в народном хозяйстве. Есть средства и юридического характера, в частности, разного рода регистрации, лицензии, разрешения, сертификаты качества и т.п. Еще один решающий фактор — приватизация, а также порядок и процедура банкротства. Однако обсуждение связанных с этим проблем выходит за рамки данной статьи.

* * *

Положение исследователя, как и положение политика, на совести которого принятие ответственных решений, в эпоху перемен незавидно. И тому и другому трудно вырваться из плена традиционных представлений, уходящих корнями в прошлое. Все мы из этого прошлого и оно продолжает жить в нас, сколь бы интенсивно мы от него не открещивались.

Самый серьезный упрек методологического характера, который заслуживают проводники наших рыночных реформ, состоит в слишком прямолинейной оценке ими значения теории для выработки практических решений. Иной раз создается впечатление, что, лишившись социалистической модели, наши экономисты судорожно занялись поисками иной, более подходящей. То обстоятельство, что строить реальную жизнь в соответствии с любой, пусть даже самой совершенной моделью, негоже и даже бесчеловечно, ими как бы не воспринимается. Но и в этом нет ничего особенно страшного. Обратные связи ныне вполне проявлены, а потому оценка принимаемых решений по их последствиям становится возможной. Ошибки всегда болезненны, особенно совершаемые правительством такой огромной страны, как Россия. Но сегодня есть надежда на исправление ошибок, ибо самоорганизация становится все более ощутимой, а деятельность правительства проходит при постоянном внимании со стороны законодателей, партий, прессы, профсоюзов и объединений предпринимателей. В стране формируется наряду с экономическим и социальный механизм. Чтобы поддерживать эти процессы, нам нужны не согласие и единство, а спокойствие, сдержанность и цивилизованные формы согласования интересов.

Пытаться осмыслить происходящее в эпоху больших перемен — значит балансировать между опасностью скатиться к трюизмам или к фантазиям. Это своего рода прогулка по острiu бритвы Оккама.

Жизнь постоянно заботится о том, чтобы общество обучалось. Нужно лишь вовремя извлекать уроки. Тогда и прогулка по острiu бритвы Оккама не приведет к трагедии.

Поступила в редакцию
29 V 1994